

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕРОЖДЁННАЯ
ДЕВОЧКА НА ЁЛКЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Нерождённая девочка на ёлке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25899965

Аннотация

«Христос проходил по верхней аллее Рая и остановился на полянке с розовой травой, где обычно играли Нерожденные дети. Среди них попадались и другие, уже побывавшие на земле и почему-нибудь быстро вернувшиеся. Они мало что помнили; вся разница с Нерожденными у них была та, что они уж наверно никогда не родятся. Это нисколько не мешало им всем играть вместе...»

Зинаида Гиппиус

Нерождённая девочка на ёлке

Христос проходил по верхней аллее Рая и остановился на полянке с розовой травой, где обычно играли Нерожденные дети. Среди них попадались и другие, уже побывавшие на земле и почему-нибудь быстро вернувшиеся. Они мало что помнили; вся разница с Нерожденными у них была та, что они уж наверно никогда не родятся. Это нисколько не мешало им всем играть вместе.

Увидев Христа, дети окружили Его. Без всякого дела, просто так, для удовольствия: были к Нему привязаны.

Но одна Девочка, из Нерожденных, осталась в сторонке. Христос поглядел на нее, и девочка тотчас подошла (в Раю все делается тотчас, и говорится тотчас: ведь скрыть ничего нельзя).

– Я хочу родиться, – сказала Девочка. – Сейчас же.

– Что значит «сейчас же»? – спросил Христос.

Девочка не знала, а потому только повторила:

– Хочу родиться.

Слово «хочу», или «не хочу», очень редко слышится в раю. (Но бывает, конечно.) А редко не потому, что там никто не «хочет» чего-нибудь, или не «не хочет». Но по той про-

стой причине, что всякое «хотенье» обычно сливается там с исполнением, и обратно: исполнение с хотеньем. На этот раз случилось иначе. Девочка захотела родиться не тогда, когда ей надо было этого захотеть.

– Почему? – спросил Христос.

– Хочу видеть елку. Вот этот мальчик, – указала на одного Вернувшегося, – рассказывал, пока не забыл, что там, внизу, елка, свечи... И так, так весело было ему на елке.

Девочка торопливо объясняла, и это опять было Раю несвойственно: там не говорят много, ведь и так все тотчас понимается.

– А ты хотел бы еще елку? – спросил Христос у вернувшегося Мальчика и поглядел ему в глаза, чтобы он немножко вспомнил: елка, свечи...

Мальчик засмеялся.

– Зачем? Звездочки...

Но Девочка была упряма:

– Не хочу звездочек. Хочу свечек, хочу родиться.

Христу стало ее жалко.

– Хорошо, – сказал Он. – Родиться – ты родишься, когда в самом деле захочешь. А елку увидишь... сейчас же, – прибавил Он, улыбнувшись. – Мы с тобой вместе вниз спустимся. Я тебе разные елки покажу.

Так как и это в Раю было не совсем обычно, Девочка не поняла, не знала, радоваться ли, сомневалась: тот мальчик видел елку, потому что родился; она не родится, а елку уви-

дит?..

– Не думай так, – строго сказал Христос и взял ее за руку. – Пойдем.

И они отправились.

* * *

Сначала Девочка почувствовала что-то новое, неприятное: холод, но она этого не знала. Только руке было хорошо, за которую ее держал Христос; не обыкновенный, райский, а мальчик, такой же маленький, как она сама.

Потом стало теплее: Девочка увидела, что они – в закрытом коробке, где была сероватая полутьма и стоял рев. Привыкнув немножко, Девочка различила в полутьме детей, разных форматов: они двигались и кричали дикими, острыми голосами. Крепко обвязаны темным, но прыгают и топчут, крутятся вокруг чего-то. Девочка пыталась рассмотреть, что это, и наконец увидела, посреди коробка, мертвое (зарезанное) дерево с еще зелеными, но умирающими лапками-ветками. Меж лапок тускнели кое-где огоньки; к самим лапкам привешены были тяжести разные, длинные и короткие, по-светлее и почернее.

Девочка заметила, что и она крутится с детьми вокруг дерева. За правую ручку ее тащил огромный, явно рожденный, мальчик: и руке было нехорошо (Девочка не знала, что это называется «больно»): но левой рукой она держалась за Хри-

ста: если б Он ей кое-чего попутно не объяснял, она бы ровно ничего не понимала.

Огоньки на дереве стали между тем гаснуть. Зажглись другие, сбоку, большие, желтые и тоже тусклые. Дерево зашаталось; у кричащих детей были теперь в руках разные гадкие вещи, темные и плотные: то широкие, с колесами, то еще шире, с колесиками: или узкие палки с дырой на конце. «Это не живые штуки, мертвые, – объяснял неслышно Христос. – Их люди себе устраивают, чтобы двигаться, а палки, чтобы убивать. Здесь они маленькие, игрушки, а настоящие – большие. Называются машинами». Но Девочка не понимала машин, ни больших, ни маленьких, ни как в машины играть, ни зачем из палок убивают. Спросить, однако, не успела: толстый мальчик около нее поссорился, из-за какой-то машины с другим, поменьше: отнял машину и стал ею же маленького колотить по голове. Оба, при этом, оглушительно вопили. Так было, пока не показались из полутьмы длинные люди и, тоже крича, мальчиков не развели.

Все это еще ничего бы: но тут внезапно заорал маленький коробок в углу и так раздирающе, так ужасно, что Девочка задрожала и схватилась за Христа. «Это ничего, это ихняя музыка, – сказал Христос. – Люди поют, тоже через машину». Но Девочка уж больше не могла: осовела, заплакала бы, если б была рожденная. Христу опять стало ее жалко; но возвращаться сразу домой (как Девочке неясно хотелось) не имело смысла. И Он сказал: «Подожди, это мы были у бога-

тых людей (которых называют „счастливыми“) на их богатой елке. Давай еще хоть одну поглядим».

Пошли. Потихоньку шли, скоро ли, – но увидела Девочка другой коробок, поменьше, тоже темноватый, но посветлее. Белая постелька. На постели, прислонясь к подушкам, худенький больной мальчик в беленькой рубашке, а около, на столике, крошечное деревцо, но живое, корни в горшке с землей. На деревце горели разноцветные огоньки, тускловатые; но мальчику они казались, должно быть, очень светлыми. Он весело поздоровался с детьми. Христос ему сказал громко: «Мы на твою елку пришли».

– Это мама мне устроила, – засмеялся больной мальчик. – Сегодня Христос родился.

Нерожденная Девочка хотела сказать, что это и есть Христос, тот мальчик, который держит ее за руку. Но громко говорить она не умела, а потому только улыбнулась в ответ.

В коробке становилось все светлее. Однако девочка заметила, что это не от огоньков на деревце, а от глаз больного мальчика, когда он на них смотрит. В коробок вошла большая людская женщина, и он сказал ей:

– Мама, у меня гости. На елку ко мне пришли. Дети.

У женщины на руках был крошечный ребенок. Девочка взглянула на него и вдруг – узнала: да ведь с ним они вместе играли, с нерожденным еще! Ребеночек поглядел – и тоже ее узнал: он еще ничего не забыл, все помнил, пока не мог ни говорить громко, и ничего по-здешнему, по-нижнему, де-

лать. Мог, правда, плакать (сразу научился!), но это памяти не мешало, так как говорящие люди слез все равно не понимают.

Ребенок отлично умел смотреть и улыбаться. Он Девочке и улыбнулся. И Христу тоже, потому что и Его узнал.

– Великолепная у меня елка, – сказал больной мальчик. – Правда? Ничего, что крохотная. Еще лучше. А сегодня ангелы поют на небесах, правда? Только мы их не слышим.

Девочка хорошо их слышала, уж давно; слышал и ребенок, – улыбался. Ей стало ужасно жаль больного мальчика, и она сказала Христу:

– Возьмем его домой. И другого тоже. Обоих возьмем.

Но Христос покачал головой.

– Нет, пусть останется. Видишь, какой он: маленькой, темной елке и той рад. Он потом придет; тогда ему дома у нас еще лучше будет, потому что сам он будет лучше. И маленький останется. Женщина хочет, чтоб оба остались: и Я хочу.

Девочка вздохнула. Она, хоть и нерожденная, кое-как побывав на земле, уже понимала грусть.

– Куда же вы? – сказал больной мальчик. – Посидите. Еще не догорела елка.

– Нет, пора, нас дома хватятся. Выздоровливай.

И Христос поцеловал его. Поцеловал и ребенка: он рассмеялся и сказал глазами: «Приходи опять».

Коробок был уже гораздо светлее, чем когда они пришли.

Ну, не такой, конечно, свет, какой встретил их у знакомых голубых дверей, Рая. (Может быть, и не голубых, а зеленых.) Христос еще держал за руку нерожденную девочку, но уже был обыкновенным, привычным райским Христом и глядел на нее, улыбаясь. Она знала, о чем. Он спрашивает, но не знала, что отвечать. Хочет родиться? Не хочет? Ужасно в темноте, с железными игрушками-машинами. Но хорошо побыть с больным Мальчиком. Здесь, в Раю, на свету, тоже хорошо играть...

– Ничего, – сказал Христос. – Потом ответишь. А родиться – это уж как мы с тобой оба захотим. Теперь ступай, беги к своим, на сиреневую площадку. Расскажи им, как ты на елке была. Да торопись, а то забудешь.